

На примере цикла «Солнце-сердце» видны характерные особенности ивановского стиля. Вариативность форм, присущая образному миру поэта, связана со стабильностью содержания: богатство средств призвано как бы возместить однообразие идей¹⁸. Цель ивановской «поэзии мысли» — показать не путь познания, а его результат, продемонстрировать некий устойчивый, выношенный комплекс идей, «экспонировать» обретенную истину с наибольшей убедительностью. Подобно резчику позднего готического алтаря, Иванов стремится всячески изукрасить заветную тему, уснастить ее гроздьями эмблем. В разнообразии их сказывалась широта эрудиции и интересов поэта-ученого. Знаток античности, историк христианства, переводчик и толкователь Данте и Петрарки, Новалиса, Байрона, критик, сказавший свое слово в изучении Пушкина и Достоевского, интерпретатор Чурленина и Скрябина, Иванов чувствовал себя свободно в культурном наследии веков. Блок писал, что поэзия Иванова заставляет «считаться со всем многоэтажным зданием человеческой истории»¹⁹. Поэтическая мысль Иванова, перенасыщенная культурно-историческими ассоциациями, выражалась чаще всего с помощью изощренной и преизбыточной метафористики. Сложность ее была во многом умышленной. Полагая, что «прикровенное» слово больше впечатляет, Иванов стремился таким способом активизировать восприятие. С трудом выбираясь из лабиринта ивановских аллюзий и перифраз, читатель оказывался надолго втянутым в круг авторской мысли и лучше вникал в ее суть. Однако изощренность формы нередко приобретала у Иванова самодовлеющий характер; апологет всенародного искусства оставался поэтом для немногих²⁰.

«Солнечный» цикл Иванова находит свое место в ретроспективе и перспективе «космической» темы русской поэзии²¹. Одновременно он теснейшим образом связан с тем кругом явлений современного ему искусства, в которых «солнечная» символика воплощала проблемы личности, приобретала важный социальный и этический смысл²². Среди произведений этого ряда цикл Иванова несет черты идейного и стиливого своеобразия. Можно предположить, что Иванов (как и Белый в строфах «Золота в лазури») отталкивался от идеала «солнечности» в нашумевшем цикле Бальмонта²³. Призыв «будем как Солнце!» утверждал прежде всего потребность нового — жизнеутверждающего, активного настроения, этого эмоционального коррелята новой эпохи, сменившей время общественных «сумерек». Но в этическом подтексте бальмонтова понятия «солнечности» со-

¹⁸ Мы не говорим сейчас о других, чисто экспериментальных целях ивановской работы над словом. Опыты Иванова в сфере ритмики, метрики, лексики и т. п. (названные Блоком «академией стиха») отзывались у Мандельштама, Хлебникова, Пастернака.

¹⁹ Блок А. Вячеслав Иванов: Прозрачность. — «Новый путь», 1904, № 6, с. 204. Белый называл ивановские произведения «мудрейшим, крутейшим экстрактом культуры» (см. Андрей Белый. Поэзия слова. Пб., «Эпоха», 1922, с. 20). О «чисто интеллектуальном наслаждении», которое дает лирика Иванова, говорил Гумилев (Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. Пг., «Мысль», 1923, с. 147).

²⁰ На это противоречие между «словом» Иванова-теоретика и его поэтическим «делом» указывалось в одной из первых в советской науке работ о поэте (Михайловский Б. Иванов. — «Лит. энциклопедия», т. 4. М., 1930, с. 409—410).

²¹ Начиная с «Гимна о премудрости божьей в солнце» Сумарокова до хвалы «солнечному» сердцу поэта у Маяковского, сказавшего: «Светить всегда, светить везде... Вот лозунг мой — и солнца!»

²² См.: Долгополов Л. Вокруг «Детей солища». — В кн.: М. Горький и его современники. Л., «Наука», 1968.

²³ Мы не касаемся здесь стиливой сферы: импрессионизму Бальмонта Иванов остался чужд. Если Белому с присущей ему бурной динамикой духовных исканий импрессионизм был художнически нужен, и порывания к мистическому идеалу выражались автором «Золота в лазури» нередко средствами импрессионистической живописи, то стабильному творческому миру Иванова импрессионизм не был сроден. Мысли Иванова, устремленной «из времени в вечность», отвечали формы устойчивые, структурно завершенные, даже застылые (немногие обращения Иванова-поэта к импрессионистической лирике не меняют дела). Как симптом пагубной «раздробленности» и «рассеяния» личности осуждал импрессионизм и Иванов-критик (см., например, «По звездам», с. 96, 97).